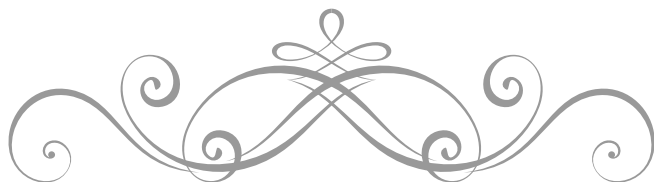
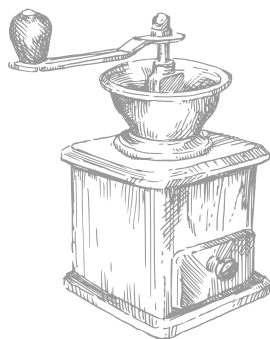

Софья Ролдутина

Кофе с привкусом ВИШНИ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
Р67

Ролдугина, С.

Р67 Кофе с привкусом вишни. Кофейные истории XIII / С. Ролдугина. — М. : RUGRAM, 2025. — 276 с. — (Кофейные истории).

ISBN 978-5-517-13280-2

Детектив Эллис посвятил свою жизнь чужим тайнам. Однако и у него есть секреты, о которых он предпочёл бы не вспоминать... и от которых не в силах избавиться.

Леди Виржиния и рада была бы помочь другу, но слово, данное маркизу Рокпорту, связывает её по рукам и ногам. Теперь ни шагу нельзя ступить без одобрения опекуна, а любой неосторожный поступок может обернуться бедой для дорогих ей людей. Самое время проявить благоразумие и остаться в стороне от любых расследований... Но тугая спираль событий уже закручивается. Прошлое смешивается с настоящим; пустяковая просьба о встрече влечёт за собой самые серьёзные последствия.

И развязка наступит: сладкая, как вишня, горькая, как вишнёвая косточка.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-13280-2

© Софья Ролдугина, текст, 2025
© София Товбина, обложка, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

Кофе с привкусом ВИШНИ

В турку положите две чайные ложки кофе, палочку корицы и несколько сушёных вишен. Залейте стаканом чистой холодной воды и нагревайте десять-пятнадцать минут, не доводя до кипения. Одновременно приготовьте густой горячий шоколад — из какао-порошка или из плитки, смотря что окажется под рукой.

Важно — шоколад должен быть горьким!

Готовый кофе перелейте в чашку, лучше прозрачную, на дне которой уже есть две-три ложки горячего шоколада. Сверху напиток украсьте взбитыми сливками, слегка присыпьте измельчённой вишней и оставьте так на несколько минут. Часть сливок растворится, и получится трёхслойный кофе: внизу смешанный с шоколадом, а наверху — смягчённый молотными нотками.

*Пить его лучше через соломинку, чтобы в полной мере
оценить изменение вкуса.*

*Такой кофе может смягчить даже самый суровый
характер, ведь вишня – символ кротости нрава,
происходящей из добрых дел.*

Наслаждайтесь!

*Но помните: в сердцевине вишнёвой косточки,
пусть и в крохотных дозах, таится опасный яд.*

Ничто не делает человека настолько уязвимым, как его же собственная беспечность.

Чужая зависть, подлые интриги, алчность, ненависть, даже злой рок — всё это опасности явные. Разум и осторожность даются нам, чтоб избежать хотя бы части бед. И даже в худшем случае можно утешить себя словами: «Что ж, такова судьба. Её можно принять, с нею можно бороться, но сетовать на неё не стоит». Всякий человек испытывает облегчение, снимая с себя вину за несчастья, обрушившиеся на его голову.

Но если же опасность ещё издали кокетливо взмахнула алым веером, а вы ничего не сделали, чтобы избежать встречи... О, тогда остаётся винить только свою беспечность. Для человека ответственного и серьёзного это настоящая мука — и изрядный удар по самолюбию. А когда речь идёт о таких людях, как маркиз Рокпорт, то позволить себе легкомысленное отношение к ним не могут даже члены семьи, самые близкие, родные.

И уж тем более не стоит рассчитывать, что буря пройдёт мимо; поверьте, не пройдёт.

После знаменательной встречи с Финолой у меня было предостаточно времени, чтобы подготовиться к важному разговору — или же сделать первый шаг. Однако я имела глупость на несколько дней выбросить из головы дядю Рэйвена и его неминуемое недовольство. Сперва хорошенько продумать оправдания помешало объяснение с Лайзо... как горели мои ладони и запястья от его прикосновений, святые Небеса! Потом опутали со всех сторон и закружили дела — дом, кофейня, переписка с мистером Спенсером о ремонте в замке Валтер... К тому же я опасалась, что вот-вот появится Валх, и потому вновь достала из тайника дневники леди Милдред. Словом,

меня занимало что угодно, кроме предстоящей встречи с маркизом.

И вот результат — я оказалась к ней совершенно не готова.

— Вы разочаровываете меня, дорогая невеста.

Не раз и не два доводилось мне уже слышать от дяди Рэйвена эти слова. Иногда за ними следовало объяснение, иногда — спор. Но никогда ещё — строгий приказ оставаться либо дома, либо в кофейне, а любой свой визит или выезд согласовывать предварительно — письменно! — с маркизом как с опекуном.

— А если я откажусь? — спросила я холодно, когда он озвучил свои требования.

Мы были в голубой гостиной особняка на Спэрроуплейс, разумеется, одни. Клэр, к сожалению, отъехал куда-то по делам... Впрочем, стал бы он вступаться за меня перед маркизом — большой вопрос.

Перед тем как ответить, дядя Рэйвен снял очки, сложил их, снова надел и зачем-то переставил с места на место чашку кофе, остывшего и нетронутого. Всё это — без единого слова.

— Мне не хотелось бы становиться злодеем в ваших глазах, Виржиния, — мягко произнёс он наконец. — Поверьте, это для вашего же блага, для вашей же безопасности. Если вы сможете вести себя благоразумно хотя бы несколько месяцев, я пересмотрю своё решение. И не пытайтесь сделать что-то тайком. Каждый ваш необдуманный поступок может отразиться на карьере мистера Норманна и на судьбе сэра Клэра Черри, который, увы, не оставил до сих пор некоторых своих вредных привычек.

Не знаю, мистический дар Фиолы помог мне или простой здравый смысл, но я осознала со всей ясностью, что дядя Рэйвен смертельно серьёзен: он готов причинить вред Эллису или Клэру, если я вновь окажусь в какой-нибудь нелепой, недостойной леди ситуации.

Грудь словно металлическим обручем стиснуло.

— Вы ведёте себя низко, — тихо сказала я, поднимаясь, и резко раскрыла веер. Воздуха не хватало.

— А вы — глупо и неосторожно.

Фамильный нрав Валтеров иногда, увы, плохое подспорье в беседе.

Верней, почти всегда.

— Не приезжайте больше без приглашения, — отчеканила я и направилась к дверям. Уже на пороге обернулась и добавила: — Можете рассчитывать на моё благоразумие. Но не на благорасположение.

Этот изматывающий диалог произошёл утром. А вечером того же дня в кофейню заглянул Эллис, и уже по одному его виду стало ясно: обещание дяде Рэйвену я сдержать не смогу.

Детектив был без пальто.

Факт сам по себе примечательный, потому что середина января в Бромли — прескверное время, по обыкновению. Дни в лучшем случае пасмурные, но нередки и дожди — холодные, мелкие, больше похожие на сгустившийся туман. Временами идёт снег, мокрый и липкий; он тает, не успев лечь на землю, и только добавляет грязи. По утрам и днём, до обеда, часто дует пронзительный ветер. Даже необычно холодный декабрь с метелями и сугробами не принёс нынешней зимой столько простуд

беспечным горожанам, сколько январь, куда более ласковый с виду, но очень коварный.

Нынче с утра как раз моросило. После дождь унялся, но ветер принялся безжалостно дёргать флюгеры в разные стороны. И в такую-то погоду Эллис появился в одном пиджаке!

— Мой каррик, — мрачно произнёс детектив вместо приветствий. — Порвался прямо по швам. Сегодня, представьте себе, прямо в Управлении.

Я несколько растерялась.

— Неужели?

Детектив вздохнул и принялся бережно разматывать шарф.

— Никогда не верил в дурные приметы, Виржиния. Но сейчас приходится.

Мне вспомнился утренний разговор с дядей Рэйвеном, и дыхание вновь перехватило. Невероятно, разумеется; невозможно... Однако вдруг Эллис почувствовал угрозу?

Нет, право, глупость какая-то.

— Что вас заставляет так думать? — спросила я осторожно.

Эллис замер.

— Видите ли, Виржиния, — начал он вкрадчиво, тем особенным тоном, с которого начинались все самые безумные просьбы. — Человек, который подарил мне его, похоже, попал в беду.

Я собралась с духом и напомнила себе, что отныне мне следует быть осторожнее. Ради самого детектива в том числе.

— И чего же вы хотите от меня сейчас?

Он заломил брови, потерянно развёл руками и улыбнулся:

— Может быть, кофе? И кусок пирога. Нет, два куска пирога. Горячего, желательно.

Ловушка захлопнулась.

Право, не могла же я отказать промокшему и озябшему другу?

В общий зал мы, разумеется, не пошли. Мэдди принесла в маленькую комнату для отдыха полный кофейник, аккуратный сливочник из своего личного сервиза, две чашки, вазу с острым имбирным печеньем и свежайший пирог с сыром, зеленью и дарами моря, разрезанный на три части. Вообще-то он предназначался для Луи ла Рона, однако беспокойный журналист мог бы и подождать ещё немного, тем более что он ввязался в очередной спор и, судя по одухотворённому лицу, проигрывать не собирался.

По мере того как крохотный столик заполнялся угощениями, сосредоточенное выражение лица у Эллиса уступало умиротворённому. Видимо, поэтому он решил начать рассказ издалека.

— Виржиния, вам никогда не казалась странной моя манера одеваться?

Каюсь, первым, что мне пришло на ум, была бедность. И потому я, конечно, захотела воскликнуть «Нет!», чтобы не оскорбить его случайно, однако задумалась.

Потёртое кепи, аккуратная штопка на пиджаке, ветхие рубашки — всё вполне вписывалось в образ небогатого сыщика, который каждый лишний рейн отправлял в приют. Ботинки Эллис быстро снашивал, но явно

не экономил на них и шил на заказ у неплохого мастера; разумно — скверная обувь может испортить не только настроение, но и здоровье. А то и жизнь, причём в буквальном смысле, особенно если вы имеете опасную привычку гоняться за преступниками.

Древний-древний каррик в этом ряду вынужденной, однако рациональной экономии казался лишним. Кто станет добровольно носить вещь, вышедшую из моды ещё в начале прошлого века? К тому же у Эллиса, насколько мне помнится, было ещё одно пальто, поновее, и плащ вдобавок...

— Сейчас показалась, — призналась я наконец. — Ваш каррик. У него всего два воротника, к тому же не слишком широких, и цвет немаркий, потому старомодность и не бросается в глаза. Но если задуматься... Такую вещь мог носить мой прапрадед на охоте. Или его кучер, но лет через двадцать, когда каррик бы сносился. В прежние времена частенько одаривали слуг одеждой с господского плеча — глупая традиция, по моему мнению, — заметила я и снова задумалась, припоминая, как выглядело любимое пальто Эллиса — не было ли там оборок, вышивки. — На одном из портретов моя прабабка, леди Сибилл, изображена в каррике, разумеется, в женском, а потому роскошно отделанном — но ваш куда проще, он явно мужской, причём пошитый для человека практичного. А теперь во всём Бромли, готова спорить, никто не носит карриков, ни скромных, ни пышных. И почему вы его так берегли?

Эллис вздохнул и отставил пустую тарелку из-под пирога.

— Ответ прост, Виржиния. Это память. Подарок от первого человека, которому я спас жизнь, когда только только стал детективом. — Он помолчал, затем добавил